

В прошлом Лу Цинцзю не верил в подобные вещи, но после всех случившихся событий его отношение постепенно менялось. Лишь познакомившись с Бай Юэху, можно было считать, что он официально вступил в контакт с этим миром.

Переняв метод у Инь Сюня и Бай Юэху, Лу Цинцзю захотел его испытать - попытаться разгадать тайны, сокрытые в его собственном сердце.

Он собрал в горах паутину, нашёл бамбуковую палку, согнул её в кольцо и обклеил липкими нитями. Затем приделал длинную палку в качестве рукояти - и ловчая сеть была готова. Выглядела она грубовато, но он и не собирался ловить ей что-либо настоящее.

Слова Бай Юэху Лу Цинцзю воспринял всерьёз, поэтому на следующее утро поднялся на рассвете. Он сварил курицу, купленную накануне в городе. Закончив с мясом, поджарил овощей, заранее подготовив обед. Когда пришёл Инь Сюнь, Лу Цинцзю нашёл случайный предлог, чтобы ненадолго выйти. Инь Сюнь не стал расспрашивать и с довольным видом уселся за стол с Бай Юэху, весело уплетая куриный суп.

Лу Цинцзю покинул деревню и направился на соседнее кладбище.

Оно располагалось рядом с деревней Шуйфу. Деревня была маленькой, свадеб и похорон - немного. Лу Цинцзю знал это кладбище довольно хорошо. Раньше он время от времени возвращался в Шуйфу - здесь покоилась его бабушка. Каждый год в Цинмин и в день её поминовения он приходил почтить её память.

Погода стояла ясная, без единого облачка, лазурный горизонт терялся за ожерельем гор. Пышная зелень деревьев нависала над узкой тропой, отбрасывая кружевные тени.

С сумкой за плечом Лу Цинцзю шагал по тропинке к кладбищу.

Здесь, среди могил, не было живых, зато деревья стояли особенно густо. Надгробия теснились по обеим сторонам пути: одни выглядели заброшенными, другие же были ухожены, а перед ними лежали подношения - дыни, фрукты, пепел сожжённых ритуальных денег*.

[Ритуальные деньги сжигаются, чтобы у предков были деньги в загробной жизни. Также сжигают бумажные особняки, ювелирные изделия, одежду, автомобили и т. д. Есть очень широкий спектр этих вещей.]

Когда бабушка была ещё жива, она не раз твердила ему о важности продолжить род - иначе в будущем некому будет почтить и его память. Лу Цинцзю с ней не соглашался. Смерть он считал угасанием светильника. Даже если духи и существовали, это были лишь следы, оставленные ушедшими, лишённые сознания или воли.

Живым не дано узнать, что ждёт за гранью.

Лу Цинцзю остановился перед стелой, на которой было высечено женское имя: Фан Жухуэй – его бабушка.

Солнце стояло в зените, ровно в полдень. Яркий свет разгонял кладбищенский холод и чувство тревоги.

Лу Цинцзю достал из рюкзака самодельную сеть и стал медленно водить ею над могилой. Вскоре он ощутил нечто странное. Его рука, свободно двигавшаяся по воздуху, замедлилась, будто в пространстве висело что-то невидимое. Но в паутинных нитях он ничего не видел. Нечто, попавшее в сеть, не имело формы, оно было словно потусторонней тенью...

Движения Лу Цинцзю становились всё тяжелее – сеть будто налилась свинцом, и в конце концов он вынужден был остановиться. Затем паутинные нити порвались. Внезапно меж деревьев подул сильный ветер. Пыль, поднятая вихрем, резала глаза, вызывая слёзы. Через мгновение ветер стих, а сознание Лу Цинцзю затуманилось, накатила неодолимая сонливость. Он зевнул, убрал сеть в рюкзак, развернулся и пошёл вниз по тропе к дому.

Вернувшись, он рассеянно махнул рукой Бай Юэху и Инь Сюню и прошёл в спальню. Инь Сюнь и Бай Юэху переглянулись, но ничего не сказали.

По дороге Лу Цинцзю боролся со сном, едва переставляя ноги, но всё же добрался и провалился в забытие, едва голова коснулась подушки.

Ему приснился странный сон. Действие происходило в старом доме, где он теперь жил. Всё вокруг должно было быть знакомым, но выглядело непривычно.

Потом Лу Цинцзю понял, в чём дело. Всё было перевернуто: кровать, стоявшая справа, оказалась слева, дверная ручка поменяла сторону. Лу Цинцзю отчётливо осознавал, что спит. Он уже собрался выйти во двор, как услышал, что его зовут.

«Цзю-эр, Цзю-эр...» — голос старушки был хриплым и слабым, но Лу Цинцзю встрепенулся. Он пошёл на звук и во дворе увидел ту, кто звал его, – свою бабушку, Фан Жухуэй.

«Цзю-эр», — бабушка стояла посреди двора, называя его имя, но не оборачивалась.

Глаза Лу Цинцзю запекло, он не удержался и крикнул: «Бабушка!»

Но старушка не откликнулась. Она подняла голову и смотрела на небо за пределами двора. С того места, где стоял Лу Цинцзю, были видны её глаза – полные ужаса и муки. Он не мог понять этого выражения. В его памяти бабушка почти никогда не проявляла при нём таких тёмных эмоций...

Небо над двором почернело, затянутое густыми грозowymi тучами, готовыми пролиться в любую минуту. Лу Цинцзю шагнул вперёд, желая подойти к ней, но мир вокруг завертелся... Он очнулся. В последнее мгновение перед пробуждением ему почудился сотрясающий землю рокот, похожий на рык дикого зверя.

«Ах!» — Лу Цинцзю резко сел на кровати, лоб его покрылся холодной испариной, дыхание сбилось. Придя в себя, он огляделся — комната была в привычном порядке, он действительно проснулся.

«Цинцзю, Цинцзю, — донёлся голос Инь Сюня из-за двери, — не хочешь поужинать?»

«Иду», — отозвался Лу Цинцзю.

«Тогда побыстрее! — сказал Инь Сюнь. — Я лично испёк хлеб!»

Лу Цинцзю распахнул дверь и увидел стоящего с гордым видом Инь Сюня. «Скорее иди пробовать!»

«Ты умеешь печь хлеб? — усомнился Лу Цинцзю. — Что ж, попробую».

Инь Сюнь радостно направился на кухню, а Лу Цинцзю прошёл в столовую. Бай Юэху уже сидел за столом. Лу Цинцзю зевнул. Он чувствовал лёгкий голод и не понимал, что значил этот странный сон. Если Инь Сюнь говорил правду, то это было глубинное воспоминание его бабушки? Но почему в её памяти навсегда отпечаталась такая обыденная сцена? И был ли тот рёв частью сна?

Его размышления прервал Инь Сюнь — тот с гордым видом вышел из кухни с подносом в руках и поставил его на стол. На подносе лежало несколько чёрных, бесформенных объектов, в которых Лу Цинцзю с трудом узнал хлеб.

Взгляды Лу Цинцзю и Бай Юэху упали на поднос, и их лица напряглись.

«Что... — произнёс Лу Цинцзю, — что ты сделал?»

«Хлеб. Он вкусный, просто немного подгорел. — Инь Сюнь моргнул, его лицо выражало полную невинность. — Цинцзю, это моя первая выпечка. Разве ты не должен меня поддержать?»

Лу Цинцзю: «...»

Бай Юэху поднялся со стула и, не глядя на Инь Сюня, бессердечно удалился. Лу Цинцзю хотелось крикнуть вслед: «Старший брат, не уходи! Если ты уйдёшь, что мне делать? Неужели придётся есть эти угольки в одиночку?»

Инь Сюнь взял Лу Цинцзю за плечо и мягко сказал: «Цинцзю, ты же не будешь таким жестоким, как он?»

Лу Цинцзю судорожно сглотнул, глядя в печальные, умоляющие глаза. Инь Сюнь напоминал обиженного щенка. Цинцзю стиснул челюсть, взял один кусок и откусил. Он ожидал, что уродливая выпечка окажется такой же на вкус, как и на вид, но... было вполне съедобно. Просто вид - совершенно ужасный.

«Ну как, как тебе?» — будь Инь Сюнь собакой, он бы уже вилял хвостом.

«На вкус ничего, — сказал Лу Цинцзю, — просто выглядит непрезентабельно».

«Правда?! — Инь Сюнь расплылся в гордой улыбке. — Я знал, что я гений».

Тратить еду - грех, и они вдвоём съели хлеб кусочек за кусочком. После Лу Цинцзю вымыл посуду, вернулся на кухню и приготовил для Бай Юэху порцию лапши.

Лапша с бульоном от тушёной курицы, приготовленной с утра, получилась наваристой, и Бай Юэху пришлось по вкусу - он даже выпил весь бульон.

«Хлеб был вполне съедобным, — сказал Лу Цинцзю, присаживаясь рядом с Бай Юэху. — Мы с Инь Сюнем всё доели».

Бай Юэху лениво протянул: «Он уродливый, поэтому я не стал есть».

Лу Цинцзю удивился: «Ты обращаешь внимание на внешний вид еды?»

Бай Юэху кивнул, как будто это было само собой разумеющимся.

Лу Цинцзю хотел ещё немного похвалить хлеб, чтобы защитить друга, но вдруг почувствовал лёгкий спазм в животе. Его лицо исказилось, он встал и направился в туалет. Бай Юэху проводил его взглядом, уголки его губ дрогнули в подобии улыбки, но улыбкой это не было.

Двадцать минут спустя.

«Ты меня совсем угробил!! — Лу Цинцзю, присев на корточки, сжимал в руке телефон и шипел в трубку на «виновника». — Я тут уже пятый или шестой раз!»

«И я тоже! — У человека на другом конце провода всё так адски болело, что уже не хотелось жить - совсем как Лу Цинцзю. — Я тут на один раз больше тебя промучился!»

«Поговори мне ещё! Ты меня ненавидишь и специально отравил, да?» — в голосе Лу Цинцзю звенело отчаяние.

«Если бы хотел отравить, стал бы я сам с тобой есть? — печально парировал Инь Сюнь. — Я тоже много съел, ясно...»

Лу Цинцзю: «Я бы и не съел столько, если бы не ты!»

Инь Сюнь перестал оправдываться и начал притворно плакать. Лу Цинцзю в ярости бросил трубку.

Всю ту ночь Лу Цинцзю не сомкнул глаз. До самого рассвета он, корчась, выползал из постели и снова падал на неё. Когда небо уже стало светлеть, он, пошатываясь, выбрался из уборной и поплёлся в спальню. Его будто вывернули наизнанку и высушили. Дрожащими пальцами он отправил в Вичат друзьям: «Чувствую себя пустым». Через три секунды этот ублюбок Инь Сюнь лайкнул его пост.

Спалось Лу Цинцзю плохо. Во-первых, виной были те смертоносные чёрные хлебцы от Инь Сюня; во-вторых — дневной сон.

Сон был коротким, всего несколько обрывистых сцен, и Лу Цинцзю никак не мог понять, почему эти мгновения хранились в самых сокровенных воспоминаниях его бабушки. Он лёг и уставился в белый потолок, а в ушах стоял громкий стрекот цикад. С наступлением темноты деревня оживала. Особенно последние дни, когда жара набирала силу, и насекомых становилось всё больше. Звукоизоляция в комнате была так себе — из спальни отчётливо слышался этот стрекот, но он не раздражал. Напротив, он возвращал Лу Цинцзю в детство.

С малых лет он жил с бабушкой. Когда родители устроились в городе, забрали и его, но счастливая жизнь длилась недолго — в доме случилось большое горе. Из-за учебы Лу Цинцзю не мог вернуться в деревню. А когда наконец смог — бабушка уже слегла от болезни и вскоре покинула этот мир.

Лу Цинцзю перевернулся на бок. Мысли кружились вокруг того странного сна. Но сколько ни бился, понять не мог: почему явилась именно эта картина?

Гораздо позже он закрыл глаза и забылся в дремоте.

На следующее утро в небе ослепительно сияло солнце. Лу Цинцзю чувствовал себя неважно и встал позже обычного. Во дворе он застал Инь Сюня и Бай Юэху, греющихся на солнце. Рядом копошился выводок цыплят и две упитанные чёрные свиньи — картина была удивительно идиллической.

«Чем занимаетесь?» — спросил Лу Цинцзю.

«Цинцзю, проснулся, — откликнулся Инь Сюнь. — Как спалось?»

Лучше бы он об этом не спрашивал. Лу Цинцзю вспыхнул мгновенно: «Ты ещё спрашиваешь? Я в том проклятом сортире чуть не протянул ноги».

Инь Сюнь виновато ухмыльнулся: «Какое совпадение - я тоже».

«...К чёрту такие совпадения, — Лу Цинцзю засучил рукава. — Пойду готовить. Если есть особые пожелания - высказывайтесь сейчас».

«Давай в обед пельмени, — прошептал Инь Сюнь. Всю ночь его мучило расстройство, и лишь утренняя каша принесла облегчение. — Очень хочется пельменей».

«Ладно», — согласился Лу Цинцзю.

Когда была жива бабушка, его любимым лакомством были её домашние пельмени. Не то что магазинные: тонкое тесто, и много начинки, круглые да тугие. Сочная начинка таяла во рту. А с фирменным бабушкиным соусом он мог умять двадцать-тридцать штук за раз.

Лу Цинцзю ходил на огород и нарвал кочанов капусты. Инь Сюню он поручил нарубить мясо для фарша. Тот, орудуя ножом, между делом заметил: «Кстати, знаешь, что соседский мальчик каждый день навещает твой свинарник?»

«Свинарник? — Лу Цинцзю, полоскавший капусту, замер. — Он там спит, что ли?»

«Не знаю, — сказал Инь Сюнь, — обычно я его вижу по утрам, когда свиней кормлю».

Дома у Инь Сюня было немного дел, и он частенько помогал Лу Цинцзю с хозяйством: кур покормить, свиней. Если Бай Юэху прибрал к рукам пару полей Лу Цинцзю, то Инь Сюнь взял на себя роль управителя двором.

Лу Цинцзю вздохнул: «Уж слишком он привязался к этим поросятам. Я и раньше замечал - бывало, бежит в свинарник досыпать».

Инь Сюнь: «А это не плохо? Если он слишком близок с ними - потом, когда придётся резать, ему будет тяжело их есть». И одним точным ударом разрубил свиную грудинку пополам.

Лу Цинцзю: «А ты сам-то сможешь? Они такие смышлёные, что, когда вырастут, можно будет просто на волю отпустить».

Инь Сюнь вздохнул: «Вот бы мой отец так же рассуждал, как ты». Движения его были ловки, и миг мяо превратилось в мелкую крошку.

Лу Цинцзю усмехнулся: «Будь твой отец похож на меня, ты бы не ел тушеную свинину».

Инь Сюнь цокающим звуком выразил согласие.

Когда фарш был готов и тесто замешано, они налепили целую гору пельменей. Было просто, но была большая разница в уровне умений. Пельмени Инь Сюня вышли кособокие и неказистые, тогда как у Лу Цинцзю – круглые, тугие, один к одному, будто аккуратные серебряные слиточки-лодочки.

К счастью, Инь Сюнь знал себе цену и не стал лепить много, не тратя понапрасну ни тесто, ни начинку.

К полудню управились. Лу Цинцзю сварил пельмени и отнёс две миски соседу.

После положенных церемониальных отказов дядя Ли принял угощение*. Лу Цинцзю воспользовался моментом, чтобы спросить о Ли Сяюе.

[Считается невежливым сразу принимать подарки, поэтому принято сначала несколько раз отказаться.]

«Не обращай на него внимания, — сказал дядя Ли. — Справится - отправим в городскую школу, нет - так и быть, останется дома».

Лу Цинцзю спросил: «Но ведь в среднюю школу экзамены сдавать не нужно, разве нет?»

«Даже если не нужно, — ответил дядя Ли, — смысла-то особого нет в городскую среднюю школу идти. И далеко это. Пусть уж лучше дома помогает по хозяйству».

Лу Цинцзю: «Ребёнок ещё маленький, что он сделает? Пусть лучше образование получит...»

Дядя Ли вздохнул: «Понимаю, о чём ты, но если в хорошую школу не выбьется - только время потратит. Да и школы эти городские нам незнакомы, далеко от дома. Иной раз хорошие дети там портятся. Не хочу я, чтобы он там учился». Он махнул рукой, развернулся и ушёл, явно не желая продолжать разговор.

Лу Цинцзю мог лишь вздохнуть. Он знал, что качество городских школ оставляет желать лучшего, да и атмосфера там нездоровая... Но удерживать Ли Сяюя от учёбы только из-за этого... Мальчик он хороший, послушный. Обидно будет, если отстанет. Но это не его дело. Лу Цинцзю - человек со стороны, вмешиваться не стоит.

Вернувшись домой, он застал Бай Юэху и Инь Сюня уже сидящими за столом в ожидании. Дымящиеся белые пельмени, горкой лежащие в мисках, будоражили аппетит. Инь Сюнь возбуждённо крикнул: «Есть! Есть!» — подхватил один палочками и за один укус отправил в рот половину. Обжёгся брызнувшим соком и зашипел. Бай Юэху же продемонстрировал невероятный талант – отправлял в рот целые пельмени, совершенно не боясь ожога. Инь Сюнь, глядя на него, от удивления высунул язык.

Лу Цинцзю взял пельмень, обмакнул в соус и, откусив, одобрительно кивнул: «Неплохо». Пельмень вышел в меру упругим, вкусным, сочным. Хрустящая сладость капусты и пикантная насыщенность свинины, туго завёрнутые в эластичное тесто. Каждый кусочек – наслаждение.

Инь Сюнь, жуя, пробурчал: «Только что звонил твой телефон. Вроде, Чжу Мяомяо».

«А», — когда ходил к соседям, Лу Цинцзю не взял с собой телефон. Он схватил аппарат и увидел пропущенный вызов. Перезвонил Чжу Мяомяо, и через мгновение в трубке послышался её голос.

«Цинцзю, ты ешь?» — Чжу Мяомяо уловила чавкающие звуки.

Лу Цинцзю: «Да. Когда приедешь?»

Чжу Мяомяо: «Завтра к вечеру будем».

«Хорошо, я встречу», — сказал Лу Цинцзю.

«Не надо, я на такси доеду, — запротестовала Чжу Мяомяо, — тебе лишний раз в город ехать – хлопоты».

«Не проблема, Бай Юэху купил пикап, — ответил Лу Цинцзю, — я на нём за вами заеду».

Чжу Мяомяо больше не спорила: «Хорошо, тогда буду беспокоить».

Лу Цинцзю закончил разговор.

«Кстати, — неожиданно вступил Бай Юэху, — соль в кузов лучше не класть».

Лу Цинцзю удивился: «Соль?»

Бай Юэху кивнул. Лу Цинцзю от природы не был любопытным, поэтому просто принял к сведению. Но Инь Сюнь был не такой – как любопытный ребенок, он поднял голову и озадаченно спросил: «А что будет, если положить?»

Бай Юэху бросил на него быстрый взгляд. «Можешь попробовать».

Инь Сюнь, необъяснимо напуганный этим взглядом, сухо рассмеялся: «Так, просто спросил. Пробовать точно не буду».

Бай Юэху продолжил есть пельмени. Лу Цинцзю сделал вид, что не заметил непомерного любопытства, вспыхнувшего в глазах Инь Сюня.

Есть вещи, о которых лучше не знать. Чем любопытнее человек – тем глубже он может зайти. Как и философскими вопросами о смысле жизни, Лу Цинцзю такими материями не интересовался. Иначе говоря, он чувствовал в этом вопросе подвох.

Любопытство сгубило кошку. Может сгубить и человека.

Лу Цинцзю всегда считал себя обычным человеком. Даже если бы ему приоткрылась необычная сторона мира – он бы не стал её исследовать.

Покончив с пельменями, Бай Юэху отправился мыть посуду, а Лу Цинцзю вернулся во внутренний двор возиться со своими виноградными лозами. Нужно было соорудить шпалеру, чтобы дать им опору для роста. Обычно винограду требуется год, прежде чем он начнет плодоносить, но раз уж все овощи в доме Лу Цинцзю росли с неестественной скоростью, почему бы и лозам не последовать их примеру? Было бы чудесно. Лу Цинцзю уже привык к аномалиям в своем хозяйстве и теперь с тихим нетерпением ждал летнего урожая.

Закончив с лозами, он собрался было обратно на гору, но на пороге его остановил Бай Юэху.

«Этот метод сработает лишь однажды, — лениво проронил Бай Юэху, неподвижный и прекрасный, словно сошедший с древнего свитка. — Во второй раз привлечешь нечто недоброе».

Шаги Лу Цинцзю замерли. Бай Юэху определенно знал то, что было сокрыто от других. «А есть другие способы?» — спросил Лу Цинцзю.

«Что ты хочешь узнать?» — переспросил Бай Юэху.

«Я хочу знать... какое бедствие постигло моих близких, когда они еще были живы».

Бай Юэху открыл глаза. Обычные глаза не бывают абсолютно черными – они темно-карие. Но его зрачки были черны, как беззвездная ночь, рождая смутный, необъяснимый страх. «Разве ты еще не догадался?»

Лу Цинцзю нахмурился: «Нет...»

«Ты знаешь, — голос Бай Юэху прозвучал тихо, но неумолимо. — Ответ в том, что ты уже видел». Он поднялся и удалился, оставив Лу Цинцзю смотреть ему вслед нечитаемым взглядом.

Ответ в том, что он видел? Лу Цинцзю на мгновение задумался, затем отложил рюкзак. Он послушается совета и не станет призывать проблемы.

На следующее утро, после завтрака, Лу Цинцзю отправился на грузовике в город. Поезд Чжу Мяомяо прибывал около десяти, так что он успевал как раз вовремя.

В 9:20 он уже стоял у вокзального входа. Вскоре из здания показались Чжу Мяомяо и высокий мужчина в черной бейсболке. Мяомяо сияла улыбкой и энергично махала рукой. Мужчиной был Чжан Чуян — Лу Цинцзю был с ним слегка знаком по прошлой работе. Их общение ограничивалось офисными делами, близкими друзьями они не были.

«Цинцзю!» — Чжу Мяомяо подбежала к нему.

«Завтракали?» — спросил Лу Цинцзю.

«Да, спасибо, — кивнула она. — Идемте, президент Чжан!»

Чжан Чуян молча последовал за ними и уселся в пикап. Машина легко вместила троих: Мяомяо — посередине, Чжан Чуян — у окна.

Городок был невелик, но на улицах еще попадались прохожие. Однако стоило выехать на горную дорогу, как вокруг остались лишь густой лес и безлюдная пустошь.

«Зачем ты вернулся сюда?» — спросил Чжан Чуян. Он был лет на десять старше и сохранил о Лу Цинцзю хорошее впечатление: молодой человек казался ему приятным, скромным и невероятно надежным. Карьера того могла бы сложиться блестяще, но вдруг уволился. В компании шептались о конфликте с высшим руководством, хотя детали никто не знал. Такие, как Чжан Чуян, догадывались; рядовые же сотрудники вроде Чжу Мяомяо считали, что Лу Цинцзю уволился по собственному желанию. Видимо, он не хотел тревожить друзей правдой.

«Захотелось перемен, — ответил Лу Цинцзю, не отрывая глаз от дороги. — Сидеть на одном месте всю жизнь — скучно».

Чжан Чуян приподнял бровь, но промолчал. Взгляд его скользнул по салону. «А почему твой грузовик... такой странный?»

«Странный?» — переспросил Лу Цинцзю.

«Ну да... модель вроде стандартная, но должна быть с механической коробкой. А у тебя... — Чжан Чуян всмотрелся. — Где вообще рычаг переключения? Как ты управляешь скоростью?»

«Педалью газа...» — пробормотал Лу Цинцзю.

На самом деле грузовик не нуждался ни в переключении передач, ни в контроле скорости. Лу Цинцзю лишь клал руки на руль, делая вид, что ведет машину, — разгоном и торможением управлял сам автомобиль. Он уже привык к этому. Инь Сюнь, не знавший вождения, ничего странного не замечал.

Мысли Чжан Чуяна поползли в неожиданном направлении. «Ты что, купил подделку?»

«Не знаю, — спокойно ответил Лу Цинцзю. — Пока работает — и ладно. Дешевый, но очень удобный...»

Чжан Чуян нахмурился, внимательно изучая отделку салона. Лу Цинцзю же делал вид, что все в порядке.

Спустя время Чжан Чуян, так ничего и не обнаружив, покачал головой: «Дешевые машины брать не стоит. Кажется, все хорошо, но если что случится — опасно для жизни. А если это и впрямь подделка... — Он постучал пальцем по стеклу. — Тебе бы лучше сменить автомобиль».

Лу Цинцзю лишь улыбнулся. Чжан Чуян хотел добавить что-то еще, но вдруг замер. Выражение его лица стало напряженным. Лу Цинцзю ждал продолжения, но тот молчал, лишь беспокойно поглядывая на свое сиденье.

«Что такое?» — озадаченно спросила Чжу Мяомяо.

«Ничего... — Чжан Чуян сглотнул. — Кажется, на сиденье что-то есть».

«Что именно?» — наклонилась Мяомяо.

Чжан Чуян промолчал.

Но Лу Цинцзю уже разглядел на черной обивке два маленьких влажных пятна, словно что-то просочилось сквозь ткань. Он вспомнил слова Бай Юэху и знакомые водяные пятна. Кажется, настоящая природа этого пикапа стала ему ясна... Да, вспомнив его первоначальную форму, легко было понять, почему его «выбросили».

Лу Цинцзю тихо рассмеялся. Взгляд Чжу Мяомяо устремился на него. «Цинцзю, чему ты внезапно рассмеялся?»

«Так, просто, — отмахнулся он. — Подумал о чем-то забавном».

Мяомяо лишь пожала плечами.

Всю оставшуюся дорогу Чжан Чуян почти не разговаривал. Он лишь боролся с сиденьем: то ему казалось, что что-то заползло в штанину, то что-то коснулось ноги, то сиденье внезапно становилось мокрым. Сначала Чжу Мяомяо помогала ему проверять, но вскоре махнула рукой — видимо, шеф просто не привык к сельским поездкам и искал поводы пожаловаться.

После не самого комфортного путешествия они наконец добрались до места. Чжан Чуян выскочил из пикапа с видом человека, прошедшего через ад. Что он пережил оставалось только догадываться.

Лу Цинцзю попросил Мяомяо отвести гостя во двор, а сам остался припарковать грузовик. Поставив машину, он похлопал по капоту. «Больше так не делай, ладно? Он же наш гость».

Пикап замер, будто Лу Цинцзю говорил сам с собой. Тот хлопнул снова: «Не ответишь — пожалуюсь Бай Юэху».

Грузовик вздрогнул. Фары, черные и блестящие, поднялись вверх, выражая обиду, и раздалось два тихих гудка. Каким-то чудом Лу Цинцзю понял их смысл. Он не знал, смеяться или плакать. «Ладно, ладно, ты не дешевка, ты бесценный. Я просто соврал ему... Менять тебя не будем, не грусти».

Грузовик радостно прогудел в ответ. Разобравшись с этой проблемой, Лу Цинцзю взглянул на небо — сгущались тучи. «Скоро пойдет дождь, — сказал он. — Помойся и стань снова самым красивым пикапом».

Фары весело мигнули.

Лу Цинцзю вернулся домой, качая головой — уговаривать этого «малыша» было занятием непростым.

Чжу Мяомяо и Чжан Чуян уже отдыхали в гостиной. Лу Цинцзю показал им комнаты и отправился готовить ужин.

Бай Юэху сидел в своем кресле-качалке, абсолютно игнорируя гостей. Лу Цинцзю уже понял: если это не еда, Бай Юэху не проявит ни капли интереса. Как тот сам говорил: «Слишком проблематично».

Чжан Чуян то и дело поглядывал на прекрасного и отчужденного незнакомца. Чжу Мяомяо,

зная, что Бай Юэху - не обычный человек, осторожно дернула Чжан Чуяна за рукав. «Господин Чжан, не смотрите на него так пристально. Он Великий Бессмертный, который поможет с вашими волосами. Не сердите его».

«Он?» — недоверчиво поднял бровь Чжан Чуян.

Мяомяо кивнула.

«Ладно, — буркнул он, не слишком веря. Если бы не ослепительно черные волосы Чжу Мяомяо - живое доказательство, — он ни за что не поехал бы в такую глушь. Наука оказалась бессильна перед его облысением, так что он, отчаявшись, обратился к народным средствам. Ему чуть за тридцать, а волосы уже почти покинули голову... Смотреть людям в глаза становилось мукой».

Пока они перешептывались, Бай Юэху, до этого лежавший без движения, внезапно поднялся и направился в дом. Чжу Мяомяо еще удивлялась его внезапному уходу, как на щеку упала тяжелая капля.

Начинался дождь!

Чжан Чуян и Чжу Мяомяо поспешили внутрь. Не прошло и минуты, как завеса ливня накрыла деревню Шуйфу, сопровождаемая глухими раскатами грома. Лето вступило в свои права.

Лу Цинцзю жарил овощи на кухне, когда с улицы донесся пронзительный крик Инь Сюня. Этот крик он уже однажды слышал - всего несколько дней назад.

«Лу Цинцзю, Лу Цинцзю!!!» — промокший до нитки Инь Сюнь ворвался в кухню, вцепился ему в плечи и принялся трясти изо всех сил. — Я видел призрака!!!»

Его трясло так, что в глазах потемнело. «Что... что случилось?!» — еле выдохнул Лу Цинцзю.

Лу Цинцзю трясло так, что у него поплыло перед глазами. «Что с тобой?» — выдохнул он ослабевшим голосом.

Инь Сюнь, сверкая глазами: «Я видел, как твой чёртов грузовик, который стоит на улице, трясёт задницей под дождём!!!»

Лу Цинцзю: «...»

Инь Сюнь, почти не дыша: «Он даже встал на задние колёса!!!»

Лу Цинцзю ударил Инь Сюня по макушке: «Успокойся. Голодные галлюцинации перед обедом?»»

Инь Сюнь, неуверенно: «Правда... галлюцинация?»»

Лу Цинцзю кивнул с невозмутимым видом.

Инь Сюнь: «Ладно».

И - принял это как данность, без тени сомнения.

Настроение Лу Цинцзю стало невероятно сложным. Все отговорки, которые он уже подготовил, оказались ненужными. Этот пикап был до того послушным, что сейчас, наверное, покорно стоял под ливнем и мылся...

Переводчику есть что сказать:

ессо: Тверкающий грузовик? Как модно.

<http://bllate.org/book/15722/1422217>